

КАЗАКИ И ПЛАТУНЫ

ИСТОРИЧЕСКО-ВОЕННЫЙ ОЧЕРКЪ.
ДЛЯ ВУГАНСКАГО.

Пикарь 20.
Полка 12,
№ 70.

БИБЛИОТЕКА НОВО-МИХАЙЛОВСКАГО ДВОРЦА.

Бн
3142

Т 83
744

КАЗАКИ И ПЛАСТУНЫ

ИСТОРИЧЕСКО-ВОЕННЫЙ ОЧЕРКЪ

П. Я. БУГАЙСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ, 12.

1877

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 10 сентября 1877 г.

55-40

Уф
100

I.

К а з а ч е с т в о .

Еще въ половинѣ XV вѣка встрѣчаются въ нашихъ монастырскихъ лѣтописяхъ имя *казаковъ*, подѣ которымъ разумѣлись удалыцы бездомовные, безсемейные, обрекавшіе себя на подвиги ратные и въ особенности на войну съ „басурманами“.

Между Крымомъ и южными границами русскаго государства разстилались тогда необозримыя луговыя степи, принадвинувшіеся къ самому Черному морю. Искони любили на нихъ привольно кочевать племена разныхъ вѣръ и названій: и печенѣги, и половцы, и сами татары; но вотъ, вмѣсто ихъ, по берегамъ Дона, Донца, Ворсклы, въ низовьяхъ широкаго Днѣпра появились люди „вольные“, вѣры православной, говора русскаго; они не признавали надъ собою ни чьей власти, а слушались только своихъ *атамановъ*, ненавидѣли татарву, удалыми наѣз-

дами грабили Польшу, Литву, Молдавію, случалось, что не щадили ~~и~~ граничныхъ селъ и городовъ самаго царства русскаго.

Чудная смѣсь племенъ отразилась въ чертахъ, ростѣ и складѣ казаковъ; лица ихъ и до сихъ поръ сохраняютъ особый оттѣнокъ, по которому казака легко отличить отъ великоруса. Избѣгая всякихъ узъ общественныхъ, они не терпѣли ни селъ, ни городовъ, жизнь которыхъ была для нихъ тягостна, и ютились на „украинахъ“, прилежавшихъ къ пограничнымъ городамъ, гдѣ жили они на всей волѣ казачьей, сторожа русскіе рубежи отъ внезапнаго нападенія татаръ.

Всякій могъ вступить въ казацкое воинственное братство: и русскій удалецъ, и бѣглый полякъ, и угрюмый литвинъ, и хитрый молдованецъ, и черкесь пятигорскій находили въ немъ убѣжище; но русскій языкъ и непрѣмное условіе для каждаго новаго пришельца, вступавшаго въ казацкій кругъ, исповѣданіе вѣры православной—доказываетъ, что основаніе казачеству положили русскіе. Главнымъ правиломъ этого братства была вѣчная непріязнь къ басурманамъ и воля; казакъ слушался покорно только своего атамана, который водилъ ихъ въ битвы, дѣлилъ добычу, но во всемъ прочемъ имѣлъ власть ограниченную: всѣ важныя дѣла рѣшались приговоромъ въ казацкихъ кругахъ.

Низовье Дона было главнымъ мѣстомъ, гдѣ развилась казацкая жизнь въ полномъ блескѣ, и отсюда ^{затѣ} это воин-

ственное братство, въ началѣ XVI вѣка, пустило свои
 отрасли до береговъ Днѣпра, Урала и Кубани, по бере-
 гамъ которой поселившіеся казаки стали называться
 „пятигорскими черкесами“ и овладѣли полуостровомъ
 Таманью (древняя Тмутаракань). Главнымъ притономъ
 казачества на Дону былъ городокъ Раздоры, при устьѣ
 сѣвернаго Донца, у казаковъ же Днѣпровскихъ была
 Сѣчь, также укрѣпленный городокъ на островѣ Хорти-
 цѣ, въ 15 верстахъ ниже днѣпровскихъ пороговъ. От-
 сюда они спускаясь на косныхъ лодкахъ, по теченію
 рѣкъ Днѣпра и Дона, тревожили своими удалыми на-
 бѣгами Крымъ, то съ запада, то съ востока, жгли та-
 тарскіе улусы, нерѣдко предпринимали отважные походы
 въ самую Турцію, грабили прибрежныя селенія и уве-
 селительные дворцы самаго султана на берегу Босфора,
 переплывали на утлыхъ чайкахъ (лодкахъ) Черное море
 и являлись внезапно въ Малой Азіи, на берегахъ Ана-
 толіи. Отсюда возвращались они въ свое родное Запорожье
 или на тихій Донъ, съ богатѣйшею добычею; но случа-
 лось, что и гибли въ отчаянныхъ схваткахъ съ турками
 на далекомъ малоазійскомъ побережьи, гдѣ шакалы и
 гіены грызли чубатые головы запорожцевъ, а „люльки“
 ихъ съ русскимъ „тютюномъ“, валявшіеся въ кустахъ
 и на песчаныхъ откосахъ берега, долго напоминали ба-
 сурманамъ удалыхъ витязей изъ-за Чернаго моря, въ
 волнахъ котораго ихъ утлыя ладьи тоже нерѣдко тону-
 ли послѣ неудачной схватки съ турецкимъ кораблемъ.

Но чаще всего безстрашные казаки, гремя турецкимъ золотомъ, богатые дорогою добычею, счастливо возвращались восвояси.

Каждому извѣстно имя знаменитаго атамана донскихъ казаковъ Ермака Тимофеевича, который жилъ во время царя Ивана Грознаго—и за свои разбои по Волгѣ, да грабежъ царскихъ каравановъ, ходившихъ въ Москву отъ Каспійскаго моря, приговоренъ былъ къ лютой казни; но вызванный съ Волги умными и богатыми сольвычегодскими помѣщиками Строгановыми, на подвигъ чести и славы, онъ положилъ начало покоренія Сибири. Ермакъ пришелъ къ Строгановымъ съ дружиной охотниковъ, отважныхъ бойцевъ вольницы казацкой, числомъ не болѣе 540 человекъ,—и присоединивъ къ нимъ 300 бродягъ и бездомовниковъ, служившихъ уже у Строганова, онъ повелъ рать эту на судахъ по рѣкамъ: Чусовой, Тагилю и Турѣ въ царство Сибирское; разбилъ тамъ царя Кучума и загналъ въ степи Ишимскія, плѣнилъ царевича Маметкула и тѣмъ въ 1583 г. утвердилъ господство Россіи отъ горъ Уральскихъ до рѣки Иртыша.

Однажды Ермакъ съ нѣсколькими десятками казаковъ плылъ по этой рѣкѣ для развѣдки о непріятелѣ; наступила ночь; утомленные казаки, причаливъ къ берегу, расположились на ночлегъ и отдались глубокому сну. Но Кучумъ съ шайкою татаръ былъ недалеко. Они напали на сонныхъ казаковъ, и почти всѣхъ перебили.

Ермакъ успѣлъ вскочить, прорубился сквозь толпу враговъ къ рѣкѣ и вплавь бросился къ лодкамъ, но утонулъ подъ тяжестью желѣзной брони, которую подарилъ ему царь Иванъ Грозный. Услуга Россіи этого казачкаго атамана, погибшаго въ волнахъ Иртыша, велика и имя его незабвенно. Ермаку поставленъ памятникъ въ г. Тобольскѣ.

Малороссія, заключавшаяся въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній: Кіевской, Подольской, Полтавской и Черниговской, составляя часть великаго княжества Литовскаго, вмѣстѣ съ другими областями Западной Руси, въ 1569 году присоединилась къ Польскому королевству. Но казаки не только не могли сродниться съ обитателями этой страны, напротивъ—ненавидили поляковъ за то, что тѣ отнимали и присвоивали себѣ земли, вводили въ нихъ жидовъ и ксендзовъ.

Единственною цѣлью жизни казаковъ, всѣхъ ихъ мыслей и желаній—была война съ крымскими татарами и турками, и рѣдкій годъ проходилъ безъ кровавыхъ сѣчь. Крымскіе ханы, вмѣстѣ съ турецкими янычарами, много разъ пытались истребить удалыхъ запорожцевъ—и всегда безъ успѣха. При нашествіи враговъ, казаки рассыпались по островкамъ Днѣпровскимъ, залегали въ пустыхъ камышахъ, встрѣчали непріятеля мѣткою ружейною пальбою, потомъ безстрашно кидались въ рукопашный бой—и басурманы гибли.

По примѣру запорожцевъ образовались казачкія дру-

жины и вообще въ малороссійскихъ городахъ. Дружины эти состояли изъ отважныхъ воинственныхъ людей, соединенныхъ тѣсными узами братства, свободныхъ отъ всѣхъ повинностей и зависѣвшихъ только отъ своихъ старшинъ.

Умный и храбрый король польскій Стефанъ Баторій, понимая всю важность казачества, которое могло служить оплотомъ противъ хищныхъ крымцевъ и турокъ, и постигая всѣ выгоды отъ присоединенія казаковъ къ Польшѣ, ласкалъ ихъ и сулилъ разныя льготы. Баторій въ 1576 г. далъ малороссійскимъ казакамъ правильное устройство, согласное съ ихъ нравами и бытомъ, раздѣливъ ихъ на десять полковъ *), каждый полкъ избиралъ себѣ старшинъ: обознаго, судью, писаря, эсаула, хорунжаго, сотника, полковника и атамана, имѣлъ свой судъ и расправу и получалъ, во время службы польскому королевству, жалованье. Главное начальство поручено было *гетману*, которому Баторій далъ королевское знамя, бунчукъ, булаву, какъ знаки достоинства, и городъ Батуринъ въ столицу. Казаки сами избирали себѣ атамана и освобождались отъ всѣхъ податей и земскихъ повинностей. Такимъ-то образомъ казачество, эта стража всей Украины отъ татаръ и турокъ, составило какъ-бы постоянное земское ополченіе Малороссіи. Оставшіеся на

*) Полки или повѣты были: Чигиринскій, Кіевскій, Переяславскій, Корсунскій, Черкасскій, Уманскій, Ладыженскій, Богуславскій, Полтавскій и Миргородскій.

Днѣпровскихъ порогахъ, въ самой Сѣчи, удержали имя запорожцевъ. Тамъ жили казаки холостые, удалыцы, искавшіе опасностей, грабежа и необузданной воли.

Признавъ своимъ покровителемъ польскаго короля, казаки не требовали ничего кромѣ свободы бить невѣрныхъ басурманъ и неприкосновенности своихъ правъ и уставовъ,—вышло не такъ. Король Сигизмундъ III задумалъ отнять у казаковъ и то и другое, видя въ нихъ единственныхъ виновниковъ вражды Польши съ Крымомъ и самимъ турецкимъ султаномъ. Притѣсненія начались съ 1589 г., когда повелѣно: быть всѣмъ казакамъ и старшинамъ ихъ въ вѣдѣніи и зависимости отъ „короннаго“ гетмана, безъ позволенія его не ходить на войну съ невѣрными и не продавать казакамъ ни пороха, ни свинцу и никакихъ боевыхъ припасовъ.

Взволновались воинственные хлопцы Малороссіи и поспѣшили доказать Польшѣ свою волю: они соединились съ своими братьями-донцами, спустились къ лиману—и давай штурмовать турецкія крѣпости: Очаковъ, Бѣлгородъ, Исламъ-Кермень. Не страшась ни бурь, ни турецкаго флота, переплыли Черное море, выжгли городъ Трапезунтъ, разграбили Синопъ, окрестности Варны—и запылали загородные дворцы султана и пашей его подъ самымъ Стамбуломъ: то казаки, возвращаясь во-свояси съ береговъ Анатоліи, вздумали мимоходомъ раскурить свои люльки подъ столицю самаго турецкаго султана.

Разгнѣванный до-нельзя, король счелъ самымъ луч-

нимъ средствомъ къ обузданію казаковъ—обращеніе ихъ въ уніаты *), то-есть порѣшилъ лишить казаковъ того, чѣмъ болѣе всего они дорожили: православной вѣры и воли. Тогда запылала по всей Малороссіи почти непрерывная, непримиримая война, ожесточенная съ обѣихъ сторонъ.

Польское правительство, сеймъ **), порѣшило — или поголовно истребить всѣхъ казаковъ, или обратить въ уніатовъ: казаки, въ свою очередь, возставъ поголовно противъ притѣснителей, не давали пощады ни старому, ни малому, не различая ни пола, ни возраста,

Въ доказательство, съ какою слѣпою ожесточенностію поляки обращали православныхъ въ унію, приведемъ хотя одинъ примѣръ: только одни жида имѣли право печь и продавать куличи и пасху къ празднику Свѣтлаго воскресенія; право это отдано было жидамъ на откупъ. За испеченные же хлѣбы казаками дома, жидъ-откупщикъ взыскивалъ съ нихъ тройную цѣну, и обязывалъ каждую семью покупать столько хлѣбовъ, сколько было въ ней душъ, не исключая и младенцевъ. Православныя церкви тоже были отданы въ аренду жидамъ, у которыхъ хранились и веревки отъ колоколовъ, крес-

*) Унія—соединеніе православія съ католицизмомъ и признаніе римскаго папы главою церкви, вмѣсто Іисуса Христа.

**) Государственное собраніе выборныхъ отъ всѣхъ сословій, но на которомъ главную роль играли епископы и магнаты, погубившіе Польшу своимъ фанатизмомъ и неурядицею.

тины, свадьбы и похороны, словомъ: каждый церковный обрядъ также былъ на откупѣ у жидовъ, и совершался не иначе, какъ за извѣстную плату.

Отстаивая свою вѣру и волю, казаки бились съ поляками на-смерть; ксендзовъ и жидовъ вѣшали безощадно; горѣли пышные замки польскихъ магнатовъ, пылали богатые католическіе костелы и по ночамъ кровавое зарево не сходило съ неба Малороссіи отъ Днѣпра до Стыри, отъ Запорожья до крайнихъ рубежей Волыни и Подолія...

Дѣлами чудной славы, отваги и мужества покрыли себя казацкіе вожди: гетманъ Сагайдачный, Тарасъ Трясила, Павлюкъ и Остраница, изъ которыхъ двое послѣдніе, повѣря честному слову коварныхъ ляховъ, были схвачены обманомъ, отезены въ Варшаву — и замучены: съ Павлюка, съ живаго, содрали кожу, а Остраница былъ колесованъ. Казацкихъ старшинъ поляки жгли въ мѣдныхъ быкахъ.

Бѣдствія Малороссіи достигли крайнихъ предѣловъ: вѣра была попрана; земли перешли въ руки польскихъ помѣщиковъ, а деньги къ жидамъ; осыпанная пепломъ дымящихся городовъ, залитая кровью несчастнаго народа, Малороссія гнила... Явился гетманъ Хмельницкій. Онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, — отмстить полякамъ за родину; онъ ободрилъ унывшихъ казаковъ, которые, воспрянувъ, снова вооружились поголовно — и много тысячъ польскихъ шляхтичей, ксендзовъ и жидовъ стали жертвою мести казаковъ.

Провозглашенный гетманомъ всей Малороссіи, Хмельницкій одерживалъ побѣду за побѣдою и разбилъ, въ 1649 г., самого польскаго короля Яна Казиміра, при Зборовѣ. Поляки заключили договоръ, обѣщаясь возвратить всѣ прежнія права казакамъ, но слова своего не сдержали: ихъ вельможи не хотѣли разстаться съ обширными помѣстьями, отнятыми у казаковъ, а католическое духовенство все-таки не теряло надежды утвердить унию и уничтожить православіе.

Тогда-то казаки начали тысячными толпами бѣжать за Днѣпръ, въ Московскую Украйну, къ верховьямъ Донца и Оскола, гдѣ основали слободы: Харьковъ, Изюмъ, Сумы, Ахтырку, и, признавъ себя подданными государя Московскаго, обѣщались ему быть вѣрными стражниками украины русской отъ наѣздовъ хищныхъ крымцевъ.

Для защиты нашихъ южныхъ предѣловъ отъ губительныхъ набѣговъ татаръ, московскіе государи, еще со временъ Бориса Годунова, основывали крѣпостцы, остроги на южной границѣ, и вотъ возникли: Ливны, Кромы, Тамбовъ, Воронежъ, Бѣлгородъ, Осколь, Валуйки и укрѣпленъ Курскъ; устроилась „засѣвка“, или линія укрѣпленій, отчасти природныхъ, отчасти искусственныхъ, отъ Брянска до Муромъ: въ мѣстахъ лѣсистыхъ по дорогамъ валили деревья, на рѣчныхъ бродахъ вбивали колья и сваи, чтобы прервать „сакмы“ или пути, которыми обыкновенно вторгались татары. На этой-то московской украйнѣ, разстилавшейся къ востоку отъ Днѣпра, и стали

селиться казаки-выходцы съ праваго берега ихъ родимой рѣки Днѣпра.

Гетманъ Богданъ Хмельницкій, видя невозможность собственными силами избавить родину отъ губительнаго гнета польскаго и облегчить горькую участь своихъ земляковъ, отправилъ въ Москву посольство—ударить челомъ православному государю Алексѣю Михайловичу со всею Малороссією и Запорожьемъ.

Единство вѣры, безпощадно преслѣдуемой поляками, единоплеменность казаковъ съ народомъ русскимъ, самыя выгоды государства отъ подданства Малороссіи, давали право умному царю Алексѣю вступить за единокровныхъ братьевъ,—и вотъ царскій бояринъ Бутурлинъ отправился въ г. Переяславль, гдѣ 8-го января 1654 г. привелъ гатмана Хмельницкаго и старшинъ къ присягѣ, а затѣмъ и всѣ полки малороссійскіе, на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, единодушно и добровольно поклялись быть въ вѣчномъ подданствѣ у царя православнаго. Государь жалованною грамотою подтвердилъ всѣ права и льготы Стефана Баторія, опредѣлилъ число реэстровыхъ казаковъ въ 60,000, и принялъ титулъ государя *всехъ великія и малыя Россіи*.

Но право владѣть этимъ пришлось утвердить оружіемъ—и только сынъ царя Алексѣя, Ѳеодоръ Алексѣевичъ, имѣлъ утѣшеніе видѣть окончаніе 27-ми-лѣтней войны за Малороссію съ поляками и турками, которымъ, по договору въ Буджановѣ, король польскій обязался пла-

титъ дань и уступилъ Заднѣпровскую Малороссію. Два раза турецкое войско осаждало г. Чигиринъ, но безуспѣшно; разбитые нашими воеводами, турки ушли во-свояси, опустошивъ и разоривъ все Заднѣпріе отъ самаго Кіева до Запорожья. Наконецъ, въ 1681 г., заключенъ былъ съ султаномъ и татарами миръ въ Бахчисараѣ, по которому всѣ земли по сю сторону Днѣпра, неотъемлемо войдя въ составъ русскаго государства, твердо съ нимъ сплотились.

Въ блестящее царствованіе Екатерины II закрѣпленіе сѣверныхъ береговъ Чернаго моря за Россією повліяло вполне благотворно на весь южный край. Стени, такъ долго служившія привольемъ для кочевыхъ ордъ, получили земледѣльческое народонаселеніе, покрылись городами, подчинились цивилизаціи, и мало-по-малу стали житницею Европы, пріютными мѣстами для ея колонистовъ. Затѣмъ, въ 1783 г. Крымъ, это старинное гнѣздо татарскихъ хищниковъ, привыкшихъ въ продолженіе вѣковъ къ разбойничьимъ набѣгамъ на наши предѣлы, былъ покоренъ власти русской и тѣмъ нанесенъ былъ громовый ударъ Турціи, которая зачастую побуждала крымцевъ, надѣявшихся на сильную помощь султана въ случаѣ опасности *), тревожить и грабить наши украины.

*) Еще въ 1476 г. визирь Магомета II явился съ флотомъ у береговъ Крыма, овладѣлъ Кафю, уничтожилъ здѣсь господство генуэзцевъ и покорилъ весь полуостровъ. Съ тѣхъ поръ Крымскіе ханы находились въ зависимости отъ султана.

Въ то-же время полки русскіе вытѣснили турокъ изъ земли Кубанской.

Вмѣстѣ съ заселеніемъ степей „Новороссіи“, мирными, трудолюбивыми земледѣльцами, происходило и окончательное преобразованіе въ бытѣ старыхъ насельниковъ степей—казаковъ. Съ паденіемъ Польши, какъ самостоятельнаго государства, въ 1794 г. и при соединеніемъ всего побережья Чернаго моря, историческое значеніе казачества въ Малороссіи, какъ стражниковъ земли русской отъ татаръ, турокъ и поляковъ,—утратилось. Екатерина II уничтожила гетманское достоинство; многіе полки казацкіе переформированы въ полки регулярной кавалеріи, другіе переселены на Кубань и стали извѣстны подъ именемъ Черноморскихъ казаковъ; имъ данъ былъ островъ Тамань (Фанагорія) съ землями между Кубанью, Азовскимъ и Чернымъ моремъ. Порѣшили также и съ знаменитымъ Запорожьемъ. Оставшіеся-же казаки на прежнихъ мѣстахъ своихъ сравнены вообще въ правахъ со всѣмъ остальнымъ народонаселеніемъ южнаго края.

Казаки Донскіе, водворясь на земляхъ, прилегающихъ къ водамъ благодатнаго Дона, по рѣкамъ Хопру, Медвѣдицѣ, Аксаю, вначалѣ жили на всемъ раздольѣ казацкой воли. Они, также какъ запорожцы, нерѣдко нападали на султанскія владѣнія и громили турецкіе корабли на Черномъ морѣ.

Въ 1637 г. казаки задумали взять Азовъ, важную

турецкую крѣпость при устьѣ Дона. Отвагою и безза-
вѣтною храбростію они творили чудеса. Взявъ съ собою
тысячу челоуѣкъ запорожцевъ, подъ начальствомъ ата-
мана Осина Петрова, въ числѣ 4,400 челоуѣкъ нагря-
нули на Азовъ, взяли его приступомъ и не хотѣли воз-
вратить султану. Тщетно самъ визирь приходилъ нѣ-
сколько разъ для изгнанія казаковъ; султанъ Ибра-
гимъ I двинулъ подъ Азовъ 200,000 войска, но казаки
съ отчаяннымъ мужествомъ отбили двадцать четыре
пристуса и принудили турокъ снять осаду. Цѣлѣ 6-ть
лѣтъ протекло въ „азовскомъ сидѣннѣ“ казаковъ, нако-
нецъ, въ концѣ 1641 г., казаки прислали въ Москву
вѣсть о своемъ торжествѣ и били челомъ Азовымъ
царю Михаилу Романову. Миротлюбивый государь, испы-
тавъ въ войнахъ съ сосѣдями однѣ неудачи, отказался
отъ предложенія казаковъ и послалъ имъ грамоту съ
приказаніемъ покинуть Азовъ; казаки повиновались, вы-
шли изъ города, но прежде не оставили въ немъ камня
на камнѣ.

Мало-по-малу, по благимъ начертаніямъ правитель-
ства, донскіе казаки получили особое устройство, со
многими привилегіями и льготами, дарованными имъ
за вѣрную службу. За то эти отважные сыны тихаго
Дона, по первому слову и вызову царя русскаго, охотно,
съ полною готовностію покидая родныя поля, семью и
все что дорого сердцу, спѣшили подъ знамена царскихъ
войскъ и полководцевъ, чтобъ вмѣстѣ съ ними бить

враговъ земли русской. Во всѣхъ войнахъ нашихъ, начиная съ Петра Великаго и до самаго настоящаго времени, донцы были непремѣнными и побѣдоносными участниками.

Казакъ съ дѣтства привыкаетъ владѣть конемъ, пикой и оружіемъ; онъ и лошадь его составляютъ какъ-бы одно: она по приказу хозяина ложится, встаетъ, бросается по его волѣ смѣло въ рѣку, не ржетъ и, довольствуясь малымъ, неумоима въ дальнихъ развѣздахъ и переходахъ.

Казакъ на конѣ выдѣлываетъ чудеса ловкости; на всемъ скаку, онъ почти безъ промаха стрѣляетъ въ цѣль; кавказскій же казакъ, линеецъ, скача во всю прыть лошади, ловко подымаетъ съ земли разныя вещи, метко стрѣляетъ въ разбросанныя на землѣ монеты, подбираетъ въ воздухѣ свою папаху (шапку) и винтовку. ловить ихъ съ удивительною снаровкою и быстро соскочивъ съ сѣдла, — въ мигъ сидитъ уже на немъ снова. Линеицу проскакать во весь опоръ стоя на сѣдлѣ—нипочемъ!

Развѣдать о непріятелѣ, сорвать сторожевой пикетъ, высмотрѣть за рѣкою, гдѣ удобнѣе войску совершить переправу, отбить обозъ, напасть на врага въ расплохъ, незримо скрываясь за опушкою лѣса, и вдругъ, быстро понесаясь изъ засады грозною „лавою“ *), ударить стре-

*) Особое построеніе, употребляемое единственно въ казачьихъ полкахъ.

нительно на врага—дѣло казачье. Казакъ въ партизанской войнѣ незамѣнимъ; при преслѣдованіи или бѣгствѣ непріятеля—страшенъ. Его неутомимый конь, длинная пика и летучій арканъ наводятъ ужасъ на врага, и не уйти, не спастися ему отъ удалаго донца, летящаго на лихомъ скакунѣ по-пятамъ бѣгущихъ...

Знаменитый полководецъ Суворовъ хорошо понималъ казаковъ и уважалъ ихъ безстрашіе и молодцоватую храбрость. Въ сраженіи съ французами въ Италіи, при Нови, въ 1799 г., онъ велѣлъ имъ атаковать главную непріятельскую батарею, — казаки въ мигъ взяли ее съ налету, и тѣмъ почти рѣшили участь всего сраженія.

Въ отечественную войну 1812 г., когда несмѣтныя полчища Наполеона I, вступивъ въ наше отечество, заняли даже самую Москву, донскіе казаки вооружились поголовно. Ихъ вихорь-атаманъ, славный Платовъ, велъ казацкіе полки отъ побѣды къ побѣдѣ и, при бѣгствѣ враговъ изъ Россіи, французы болѣе всего боялись летучихъ казацкихъ отрядовъ.

Поляки также помнятъ и извѣдали хорошо казачью пикую и нагайку въ своихъ крамольныхъ возстаніяхъ противъ русскихъ...

Да и кто въ Россіи не знаетъ донскаго казака?! Отъ Торнео до Персидской границы, отъ Калиша до Урала, донской казакъ вездѣ, — то на кордонной стражѣ, то какъ блюститель тишины и порядка, то при этапныхъ

командахъ, онъ усердно несетъ службу на всѣхъ постахъ, куда его призываютъ долгъ и присяга.

Воспоминанія воинственной жизни дѣдовъ и отцовъ, ихъ кровавыя битвы съ врагами Россіи, дѣла доблести и чести покрывшія неувядаемою славою храброе войско донское,—живы въ памяти казаковъ: они составляютъ ихъ наслѣдственную гордость, переходящую изъ рода въ родъ, и питаютъ въ казакахъ ту богатырскую силу, хладнокровіе въ бояхъ, безстрашіе въ виду смерти и ту казацкую удадь, которою всегда и вездѣ отличались сыны тихаго Дона.

При императрицѣ Екатеринѣ II и послѣ, нѣсколько тысячъ казачьихъ семействъ переселены съ Дона на Кавказъ, на берега Терека и Кубани.

Земля войска Донскаго имѣетъ 2,912 кв. миль; жителей до 1.000,000.

Уральскіе казаки *), отрасль донскихъ, подвластные русскимъ государямъ со временъ царя Михаила Романова, до Петра Великаго жили въ своемъ отдаленномъ и богатомъ краю, по Уралу (Яику), изобильному дорогою рыбою,—на всей прежней волѣ казацкой: сами избирали атамана, старшинъ, податей не знали, повинностей не несли, занимались рыболовствомъ, да въ добрый часъ разгуливали по Каспійскому морю, грабили торговля персидскія суда, нерѣдко нападали и на прибреж-

*) До временъ императрицы Екатерины II извѣстны были подъ именемъ Яицкихъ казаковъ.

ныя сселенія. Шахъ персидскій ничего съ ними подѣлать не могъ. Во избѣжаніе неудовольствій, ссоръ и даже войны съ Персією, по частымъ жалобамъ шаха на казаковъ, Петръ Великій обуздалъ ихъ своеволіе, сдѣлалъ войску перепись, далъ правильное устройство, назначилъ атамана самъ, по своему выбору, и повелѣлъ уральцамъ нести службу по нашимъ далекимъ юговосточнымъ границамъ, защищая ихъ отъ нападений калмыковъ, киргизъ-кайсаковъ и другихъ кочующихъ племенъ. Съ тѣхъ поръ уральское войско, населяя мѣста привольныя, по рѣкамъ богатымъ рыбою, земли тамъ 1,180 кв. миль, выставляетъ также извѣстное число полковъ, въ случаѣ войны съ непріателемъ.

Кромѣ казаковъ вообще *Сибирскихъ*, потомковъ первыхъ завоевателей Сибири, пришедшихъ съ Дона съ Дона съ славнымъ атаманомъ Ермакомъ, есть еще много казачьихъ войскъ, водворяемыхъ на мѣстахъ пограничныхъ, по мѣрѣ надобности и расширенія русскихъ предѣловъ въ новопріобрѣтенныхъ мѣстностяхъ.

Казаки *Забайкальскіе*, образованные въ 1815 г. и поселенные станицами къ югу отъ озера Байкала, по нашей сибирско-китайской границѣ. *Астраханскіе*, — образованы въ 1830 г. изъ казаковъ донскихъ и калмыковъ. *Оренбургскіе*, — образ. въ 1836 г. изъ городскихъ казаковъ гор. Самары и Уфы. *Амурскіе*, — образ. въ 1859 г. изъ Забайкальскаго войска, регулярныхъ солдатъ и поселенцевъ по р. Амуру. *Семирѣченскіе*. — образ. въ 1867 г.

изъ сибирскихъ казаковъ и поселенныхъ на юговостокъ отъ озера Балкашъ, въ недавно приобрѣтенномъ нами Туркестанскомъ краѣ. Есть еще небольшое число казаковъ *Волскихъ*.

Считаемъ нужнымъ упомянуть и о тѣхъ казачьихъ войскахъ, исполнившихъ службу свою свято и затѣмъ, по мѣрѣ замѣны ихъ войсками регулярными и по мудрому усмотрѣнію правительства, — нынѣ упраздненныхъ.

Новороссійскіе или Дунайскіе образовались изъ молдованъ, болгаръ и вернувшихся изъ Турціи запорожцевъ въ 1829 г.; упразднены въ 1868 г. *Азовскіе*, образовались изъ возвратившихся некрасовцевъ, убѣжавшихъ въ Турцію и на Кавказъ, при Петрѣ Великомъ, съ атаманомъ Некрасовымъ, изъ Запорожья, упразднены въ 1865 г. *Бугскіе, Днѣпровскіе и Чугуевскіе*, образованные изъ малороссійскихъ, переформированы въ уланскіе регулярные полки.

Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ считается Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ.

Съ самыхъ первыхъ временъ войнъ нашихъ на Кавказѣ, правительство стало заселять границы наши съ непокорными племенами горцевъ, по рѣкамъ: Кубани, Тереку, Лабѣ, Сунжѣ, Малкѣ и другимъ, — станицами казаковъ Гребенскихъ, Терскихъ, Черноморскихъ, Кубанскихъ и переселенцами съ Дона: такая военная граница на Кавказѣ называется *линією*, а защитники ея, *каза-*

ками линейными, пользующимися известными льготами и преимуществами.

Еще въ прошломъ столѣтїи они составляли единственную защиту отъ набѣговъ чеченцевъ, кабардинцевъ и другихъ горскихъ враждебныхъ намъ племенъ. Кровавыя схватки, частыя почныя тревоги, постоянная осторожность днемъ, пикетная и кордонная служба, выработали изъ линейца въ полномъ смыслѣ казака-молодца, джигита. Съ часу на часъ ожидая врага, они почти не раздѣвались дома и не снимали съ себя оружія, а всегда были наготовѣ защищать своихъ женъ, дѣтей и стада. Зрѣніе и слухъ у нихъ развиты необыкновенно. Линейцу необходимо было имѣть зоркій взглядъ и чуткое ухо, чтобы узнавать, чуютъ заклятаго и смертельнаго врага—горца. Постоянныя набѣги выработали въ нихъ силу, хладнокровіе, безстрашіе въ виду грозной смерти и удивительное умѣнье отражать хитрость хитростью. Какъ бы сживаясь съ природою, казакъ-линеецъ безукоризненно подражаетъ карканью ворона, вою шакала, лаю собаки, крику совы и голосамъ птицъ, а такое умѣнье служить условными знаками, сигналами въ набѣгахъ казаковъ, въ засадахъ или опасныхъ ночныхъ разъѣздахъ. И теперь они съ дѣтства навываютъ ни во что ставить жизнь свою, и смѣло, молодецки идутъ на какую угодно опасность. Не сходя почти съ коня, линеецъ легко становится лихимъ наѣздникомъ, полнымъ удали, огня и отваги.

Казачья станица похожа на всѣ большія села, какихъ

много на матушкѣ Россіи. Церковь обыкновенно стоитъ въ срединѣ станицы, которая обносится землянымъ валомъ и колючимъ терновникомъ. Возлѣ станичныхъ воротъ устроена „вышка“, въ родѣ квадратной башенки на четырехъ столбахъ, крѣпко вбитыхъ въ землю, вышиною сажень въ пять, для того чтобы казакъ-часовой могъ видѣть съ вышки все, что происходитъ вокругъ станицы, а также и ближайшія къ нему по линіи такія же вышки. При каждой изъ нихъ имѣлись длинные шести, сверху обвернутые соломой, которые, при внезапномъ нападеніи горцевъ, зажигались, причемъ прочіе посты принимали этотъ сигналъ тревоги, онъ передавался далѣе по линіи, — и казаки уже вихремъ летѣли къ мѣсту нападенія.

Горцы знали хорошо каковы ихъ сосѣди и потому аулы свои строили въ дальнемъ разстояніи отъ рѣкъ и всегда въ трупобахъ или въ вѣковыхъ лѣсахъ; путь къ нимъ они преграждали завалами и выставляли тоже пикеты, но не на виду, какъ у казаковъ, а гнѣздясь какъ птицы по деревьямъ. Но опытный глазъ линейнаго казака и на дальнемъ разстояніи различалъ эти гнѣзды, и, какъ бы особенно прозорливо, даже и въ темную ночь отличалъ мѣста, которыя могли быть опасны. И вотъ линеецъ проползалъ мимо ихъ какъ змѣй, а если что зашелеститъ или шерохнется въ тишинѣ при его движеніи, то онъ искуснымъ птичьимъ свистомъ или крикомъ совы отвлечетъ вниманіе горца и проберется

не замѣченнымъ. Вотъ первая опасность миновалась, а цѣль развѣдки еще не достигнута; онъ пробирается дальше, къ самымъ трупамъ и, пристально всматриваясь въ ауль, онъ и въ ночномъ мракѣ все видитъ, все слышитъ; до его чуткаго уха долетаетъ даже говоръ въ сакляхъ.

Довольный свѣденіями, казакъ отправляется назадъ не тѣмъ уже путемъ; онъ знаетъ, что произведенный имъ нечаянно шорохъ не пройдетъ даромъ, что горецъ надумается и пуститъ по слѣду собаку, отъ чутья которой не скроешься. Тогда пускается въ ходъ волчье сало, которымъ казакъ по пути помазываетъ и вправо и влѣво. Собака, напавъ на слѣдъ, поджимаетъ хвостъ; ей чуются волки, и съ воемъ жметъ она къ своему хозяину. „Это волки!“ скажетъ горецъ, довѣря чутью своей собаки, и, успокоенный такимъ заключеніемъ, безъ вниманія оставляетъ прослѣдъ врага, но все-таки изъ предосторожности даетъ условленный сигналъ своему ближайшему пикету. Тогда опасность удваивается. Отступление невозможно. Жизнь на волоскѣ. И проколеситъ линейецъ верстъ пять-шесть лишнихъ, по безлюднымъ трупамъ до обрыва, гдѣ по самой неприступности мѣста пикетовъ нѣтъ. Не боясь сломить себѣ шею, онъ спускается къ рѣкѣ,—тутъ уже онъ въ безопасности: линейцу переплыть рѣку легко какъ рыбѣ. И тогда онъ спѣшитъ въ станицу съ добрыми наживными вѣстями.

Казака трудно отличить по одеждѣ отъ горца. Тотъ же чекмень, та-же папахъ, неразлучная бурка и башлыкъ. Сами казачки носятъ одежду совершенно подходящую къ черкесской: татарскую рубаху, бешметъ и чевяки, но голову обвязываютъ платкомъ порусски.

II.

Казачка Мирониха.

Понятно, что такъ сложившаяся жизнь казаковъ и казачекъ на линіи, полная опасностей и тревоги въ ихъ обыденной жизни, на столько интересна, что не лишнимъ будетъ привести здѣсь примѣръ находчивости и отваги одной казачки, попавшейся въ руки горцевъ, и переданный мнѣ однимъ кавказцемъ, какъ очевидцемъ.

— Было такъ, началъ свой рассказъ старый кавказецъ.—Я служилъ тогда фельдфебелемъ въ Куринскомъ полку,—это было въ крѣпости Грозной... въ 1844 году. Рота моя была въ прикрытіи колонны за дровами *). Ходили-то мы въ дальній лѣсъ, туда къ самой Асѣ, впадающей въ рѣку Сунжу, и нарубили дровъ, и ударили

*) Посылался обыкновенно батальонъ, при одномъ или двухъ орудіяхъ, такъ-называемая *оказія*, смотря по опасности и отдаленности лѣса.

сборъ... Я отренпортовалъ ротному командиру; что, дескать, все благополучно.

„Тронулась оказія, да ужъ подходя къ Грозной, бабы спохватились, что Мирониhi нѣтъ... Гдѣ Мирониха? нѣтъ, — пропала, да и только! а воли ея съ дровами идутъ...

„Доложили объ этомъ батальонному командиру. Онъ сначала распекъ дежурныхъ: „я вамъ, говоритъ, пропишу ижицу! Знать не хочу,—чтобъ была баба!“ Потомъ добрался и до насъ, то-есть до фельдфебелей. Мы-таки, признаться, перетрухнули. У-у! бѣдовый былъ. Сокъ-отъ намъ повыжалъ бы за нее. Только, дай Богъ ей здоровья, — удалая была эта Мирониха. Смотримъ, эдакъ къ вечеру, часу къ седьмому, народъ высыпалъ на крѣпостной валъ да и глядитъ. Ну, и я сталъ глядѣть. Ыдетъ кто-то въ бѣлой черкескѣ, да въ поводахъ ведетъ двухъ лошадей,—а мѣсто-то ровное, видно какъ на ладони, только больно ужъ далеко, версты за три, и никакъ не признать кто ѣдетъ?!

„Въ это время генераль Фрейтагъ сидѣлъ на балконѣ и смотрѣлъ въ подзорную трубу. Смотритъ и видитъ, чтъ ѣдетъ чеченъ, ни чеченъ, и казакъ ни казакъ, а весь обвѣшанъ оружіемъ, и ѣдетъ-то прямо къ крѣпости,—ну и послалъ на встрѣчу милиціонеровъ.

«Мы такъ съ диву и сдались,—это была наша Мирониха!

„Я сейчасъ шмыгнулъ къ старо-юртовскимъ воротамъ,

а тамъ народу... и Господи, Боже мой! недотолчешься: почитай вся крѣпость вышла встрѣчать, ровно какого главнокомандующаго, и барыни-то всѣ туда же вышли. Стала, этто, она вѣзжать. Ёдетъ въ папахѣ, въ бѣлой черкескѣ; на ней три винтовки, три пашки и три кинжала.

„Повели ее къ Фрейтагу. Онъ приказаль отдать ей все: и лошадей, и оружіе, и сказывала она, что еще подарилъ десять рублей.

„Она сама мнѣ рассказала, что за оказія съ ней приключилась. Быковъ-то, говоритъ, я вывела на мѣсто, а воды-то не набрала, надо было напоить ихъ, вотъ я пошла, говоритъ, по воду, пробралась сквозь цѣпь и спустилась къ ручью. Стала я черпать воду, а на меня вдругъ накинули бурку, замотали чѣмъ-то, да и поволокли къ рѣкѣ. Слышала я какъ и сборъ пробили, а сердечко-то, говоритъ, такъ и бьется, такъ и бьется... Прошло, прамѣромъ сказать, съ полчаса. Вотъ чеченцы и развязали меня. А при мнѣ, говоритъ, сулейка со спиртомъ была, да кусокъ пшеничнаго хлѣба *). Вотъ взяли они. да и выпили весь спиртъ-то, — ну и захмѣлѣли. Ужъ больно жаркая погода-то была... Надругались надо мною,—сморило ихъ... Лошадей-то стреножили, да тутъ же и пустили, а меня, проклятые, снова связали по ру-

*) Что всегда дѣлалось при отправленіи на поруѣку лѣса, такъ какъ запасъ дровъ заготовлялся на долгое время, сразу, во избѣжаніе опасностей, грозившихъ часто при такомъ движеніи въ горы.

камъ и по ногамъ и положили подъ головы, вмѣсто подушки.

„Тошно, говорить, мнѣ стало лежать-то; спать моя татарва крѣпко, а сердце все изныло и переболѣло за домъ, да за хозяйство... Вотъ я и задумала ослобониться отъ нихъ. Одного-то, говорить, солнце больно припекло, разметался онъ, да и пришлось ему лечь такъ, что я ртомъ могла ухватить ручку его кинжала... Благослови Христось!, давай тянуть, да и вытянула, и ну пилить веревку, что на плечѣ-то у меня была... Какъ перерѣзала я ее, — давай расправлять плечами, ну руку-то и ослобонила. Тогда схватила я кинжалъ, да и пырнула одному въ самый кадыкъ, — ажъ захрапѣлъ, сердечный, а голосу не подалъ. Свалила его съ себя, да и перекрестилась: слава-тѣ, Господи, съ однимъ управилась! Откуда, говорить, и смѣлость-то взялась, а ну-ка, благослови, Господи, и на остальныхъ!.. Вытащила я и у другаго кинжалъ, пырнула и его, да знать не совсѣмъ удачно, — какъ вскочить онъ, горемычный, а кровь-то какъ изъ барана льетъ... хотѣлъ кричать, да захлебывается... Я тутъ съ перепугу-то, и сама не помню, какъ уходила и третьяго, — ну, этотъ только ногами задрогалъ...

„Забрала я тогда, говорить, все у нихъ и поѣхала. По дорогѣ-то, слава Богу, ни одного гололобаго не встрѣтилось: вотъ я и вернулась здорова и невредима.“

III.

Н а б ѣ г ъ.

Казацѣи станицы расположены по Тереку часто, на разстояніи семи-восьми верстъ одна отъ другой. Терекъ, отдѣлявшій когда-то линейцевъ отъ горцевъ, въ низовьяхъ течетъ мутно и быстро, но уже широко и спокойно, заноса нескомъ береговой камышъ и подмывая мѣстами обрывистый берегъ, съ его корнями вѣковыхъ дубовъ, чинарь и молодого подроста темнозелѣнѣющихъ раинъ.

Вечерѣло. Солнце зашло уже за горы, отъ которыхъ длинная, въ нѣсколько верстъ, тѣнь ложилась на степи. Улеглись облака золотистой пыли отъ пригнатовъ въ станицу казачками скотины, сытыя коровы и буйволицы лежатъ при хатахъ за огородами. Въ степи, за рѣкой, по дорогамъ, вездѣ пусто. Изрѣдка покажется верховой,— это казакъ, возвращающійся съ кордона. Но вотъ солнце скрылось совсѣмъ за далекимъ снѣжнымъ хребтомъ, и голубоватая тѣнь разостлалась по землѣ и по небу;

надъ потемнѣвшими садами зажглись звѣзды и послѣдніе неясные звуки и говоръ изъ хатъ стали по немногу затихать въ засыпающей станицѣ. Въ воздухѣ разлилась вечерняя свѣжесть. И плетни около хатъ, и бѣлѣвшая на дворахъ скотина, и камышевыя крыши, и стройныя чинары, вмѣстѣ съ темно-зелеными раинами, все казалось, погружалось въ здоровый тихій сонъ. Только кваканье лягушекъ, какъ бы звенящее въ ночной тишинѣ, долетало изъ сырой дали до напряженного слуха. Послѣдніе огни потухли въ хатахъ, а по небу звѣзды выступали все чаще и чаще...

Но вотъ изъ раствореннаго окна одной хаты, окруженной бѣлыми акаціями, съ душистыми цвѣтами, желтыми подсолнечниками и вьющимся виноградомъ, послышалась тихая пѣсня,—то мать убаюкивала проснувагося ребенка... И невольно приходятъ на память завѣтные стихи Лермонтова, его „Казачья колыбельная пѣсня“:

Сли, младенецъ мой, прекрасный,

Баюшки-баю!

Тихо смотреть мѣсяцъ ясный

Въ колыбель твою.

Стану сказывать я сказки,

Пѣсенку спою,—

Ты-жъ дремли, закрывши глазки,

Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,

Плещетъ мутный валъ,

Злой чечень ползеть на берегъ,
 Точить свой кинжалъ...
 Но отецъ твой старый воинъ,
 Закаленъ въ бою,—
 Спи, малютка, будь спокоенъ,
 Баюшки-баю.
 Самъ узнаешь, будетъ время,
 Бранное житье,
 Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
 И возьмешь ружье.
 Я—сѣдельце боевое
 Шелкомъ разошью...
 Спи, дитя мое родное,
 Баюшки-баю.
 Богатырь ты будешь съ виду
 И казакъ душой,
 Провожать тебя я выйду,—
 Ты махнешь рукой...
 Сколько горькихъ слезъ, украдкой,
 Я въ ту ночь пролью!
 Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
 Баюшки-баю.
 Стану я тоской томиться,
 Безутѣшно ждать,
 Стану цѣлый день молиться,
 По ночамъ гадать;
 Стану думать, что скучаешь
 Ты въ чужомъ краю...
 Спи-жь, пока заботъ не знаешь,—
 Баюшки-баю.
 Дамъ тебѣ я на дорогу
 Образокъ святой,

Ты его, моляся Богу,
 Ставь передъ собой;
 Да готовясь въ бой опасный
 Помни мать свою...
 Спи, младенецъ мой прекрасный,
 Баюшки-баю!

Передъ зарею, когда повѣяло утреннею прохладой и частыя звѣзды блѣднѣе начали потухать въ высокомъ небѣ, какой-то казакъ въ широкой порванной черкескѣ, пройдя свободно мимо вышки въ станичныя ворота, своротилъ съ улицы въ сторону и сталъ торопливо пробираться переулками и задами къ концу станицы. Вытертая пахта была на немъ заломлена назадъ, по чеченски, ноговицы опущены ниже колѣнъ, чекмень мѣстами изорванъ, но шашка и кинжалъ были богато оправлены въ серебро. Подойдя къ крайней хатѣ, онъ вбѣжалъ на крыльцо, придерживая мотавшійся на поясѣ длинный кинжалъ, и толкнулъ дверь въ сѣни. Не запертая дверь распахнулась и казакъ вошелъ въ хату.

Легко и ловко перешагнувъ черезъ порогъ, онъ сбросилъ съ себя папаху, перекрестился передъ образами и опустился на лавку, далеко протянувъ ноги и какъ бы расправляя усталые свои члены. На головѣ его, изъ-подъ короткихъ волосъ, видны были глубокіе зажившіе шрамы. Жилистая толстая шея была какъ у быка покрыта клѣтчатыми складками. Руки были сбиты и исцарапаны. Мать вошедшаго линейца въ хату уже встала, и стоя передъ печкой бросала въ нее дрова. На кро-

вати еще спалъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати, братъ казака.

— Что, Назарушка, исходился голубчикъ, поизмаялся? тихо и нѣжно проговорила мать, обращаясь къ сыну.— Какъ ночь-то ты проскитался, благополучно-ли?

Казака въ отвѣтъ только молча махнулъ рукою и доставъ со стѣны винтовку, вынулъ ее изъ чехла и сталъ тщательно осматривать.

Мать какъ-то грустно покачала головою.

— Поди, матушка, принеси чихирьку, больно пить хочется!

— Сейчасъ, Назарушка, сейчасъ! отвѣчала старуха и, захвативъ ключи, торопливо вышла изъ хаты.

Осмотрѣвъ винтовку, Назаръ досталъ съ полки кожаный мѣшечекъ, вынулъ изъ него нѣсколько пустыхъ хозырей и сталъ насыпать заряды, старательно затыкая ихъ пулькой, завернутой въ тряпичку.

Въ это время мать возвратилась съ кувшиномъ чихирю и, поставивъ его на столъ, отрѣзала большой ломоть пшеничнаго хлѣба.

Назаръ налилъ полную чашуру *) и, осторожно поднеся ее ко рту, проговорилъ: „Будь здорова, матушка!“ и затѣмъ онъ выцѣдилъ всю чашуру до дна.

— А саквы **) мои здоровы? снова обратился онъ къ

*) Большая деревянная чашка, въ нѣсколько стакановъ.

**) Переметныя сумки, которыя казаки возятъ за сѣдлами.

матери. Я былъ ночью на развѣдкахъ и сегодня со станичниками ѣду за Терекъ. Принеси-ка мнѣ сала,—нужно шашку смазать. Пусть братишка, Ваня, приберетъ коня по-походному, да черезъ часъ-времени приведетъ его на дворъ къ хорунжему,—мнѣ самому-то некогда!

Смазавъ шашку саломъ, Назаръ сталъ собираться въ походъ. Еще разъ осмотрѣвъ винтовку, онъ надѣлъ на нее чахолъ и перекинулъ за спину, стянулъ на себѣ потуже поясъ съ кинжаломъ, накинулъ косматую бурку и захватилъ башлыкъ.

— Прощай, матушка! сказалъ онъ, остановясь въ дверяхъ, на порогѣ.

— Прощай, спаси тебя Христось, Назарушка! отвѣчала старуха, крѣпко поцаловавъ сына.—Будь спокоенъ,—черезъ часъ Ваня съ конемъ будетъ у хорунжаго; да я и сама за всѣмъ догляжу!

Назаръ еще разъ кивнулъ головою, и скорыми шагами, придерживая ружье за спиною подъ буркою, скрылся въ ближайшемъ переулкѣ.

Молча постоявъ у воротъ и сдѣлавъ крестное знаменіе въ слѣдъ сыну, старуха вернулась въ хату и принялась будить меньшаго сына, спавшаго крѣпко-на крѣпко.

Черезъ четверть часа на площади, передъ станичнымъ правленіемъ, шумно толпились казаки. На завалинкѣ дома правленія сидѣли старики въ сѣрыхъ и черныхъ степенныхъ чекменяхъ, безъ галуновъ и украшеній. Ста-

рики спокойно, мѣрными голосами толковали и разсуждали о вѣстяхъ, принесенныхъ опытнымъ развѣдчикомъ, казакомъ Назаромъ Моторнымъ, который въ то же самое время передавалъ до малѣйшей подробности все случившееся съ нимъ въ ночной развѣдкѣ за Терекомъ,—станичному начальнику, сотникамъ и хорунжимъ, собравшимся въ домѣ правленія. Наконецъ, съ общаго совѣта, принявъ во вниманіе добрыя вѣсти Назара, что чеченцы аула, хорошо знакомаго всѣмъ казакамъ, сами ушли куда-то въ походъ въ русскіе предѣлы, и не желая упустить такого случая, старики-станичники порѣшили—быть набѣгу, о чемъ и пошли повѣстить начальство.

Въ станицѣ уже все проснулось, и дымъ бѣлыми клубами валилъ изъ трубъ. Молодые казачки, кое-какъ прикрывшись платками, въ старенькихъ бешметахъ, съ хворостинами въ рукахъ, спѣшили выгонять скотину въ поле, другія торопились на работу въ виноградники и на бахчи, а казаки-подростки поили коней, живо сѣдлали ихъ для отцовъ и братьевъ, привязывали саквы и торбы за сѣдла, и прибирали коней вообще по-походному.

Яркое солнце уже поднялось изъ-за горъ и золотило своими лучами и Терекъ, и степи, и сады, и далеко вьющуюся дорогу по линіи... Въ станицѣ все было въ движеніи, то и дѣло изъ воротъ выскакивалъ на лихомъ конѣ казакъ и, поджигитовавъ немного на площади, несся на сборное мѣсто къ вышкѣ, къ выѣзднымъ воротамъ. И скоро, раздѣлясь на сотни, линейцы потяну-

лись сначала въ степь, но потомъ круто повернули къ берегу Терека. Впереди на лихомъ скакунѣ ѣхалъ развѣдчикъ Назаръ Моторный.

Въ степи было тихо, пустынно. Воздухъ не шелестѣлъ; только и слышно было какъ ступали лошади и пофыркивали; да и эти звуки раздавались какъ-то слабо, мягко и скоро замирали въ утреннемъ воздухѣ...

Казаки ѣхали большею частію молча. Оружіе на линейцѣ всегда прилажено такъ, чтобы оно не звенѣло и не брнчало. Но нерѣдко, тамъ, гдѣ по расчету старыхъ станичниковъ нужно, казаки грозною массою, въ нѣсколько сотенъ, мчались какъ ураганъ, уносящій и истребляющій все встрѣчное на пути,—это въ полномъ смыслѣ „набѣгъ линейныхъ казаковъ“.

Переправаясь въ Чечню черезъ Терекъ, съ помощью слегка надутыхъ бурдюковъ, подвязанныхъ въ подбрюшной части лошадей, линейцы обыкновенно во весь опоръ несутся къ завидѣнному ими пасущемуся стаду, или къ табуну лошадей, забирая по пути все, что считаютъ для себя годнымъ. Затѣмъ, если предвидится какая-либо другая пожива, то отдѣливъ нѣсколько станичниковъ, способныхъ гнать табунъ быстро, придаютъ имъ небольшое прикрытіе въ конвой, а сами стремглавъ бросаются къ аулу, почти всегда пустому, потому что при первой тревогѣ женщины съ дѣтьми бѣгутъ въ лѣса, забирая съ собою все драгоцѣнное, а мужья спѣшатъ спасти скоть,—и горе чеченцамъ, если, во время набѣга каза-

ковъ, лошади ихъ пасутся въ табунѣ! Тогда набѣгъ линейцамъ обходится совершенно безъ потери.

Но не всегда бываетъ такъ. Лошади въ аулѣ, дома; поднялась тревога; всѣ доброконные вихремъ несутся къ стаду, которое уже гонится линейцами къ переправѣ, а пастухи перебиты и некому передать, по какому направлению угнанъ скотъ. Но вотъ до слуха горцевъ долетаетъ хлопанье бичей, шумъ, гамъ и свистъ, и они мчатся на этотъ шумъ, надѣясь пересѣчь дорогу къ переправѣ, и обрадованные тѣмъ, что опередили казаковъ-погонщиковъ, занимаютъ выгодныя мѣста по берегу рѣки... Но хлопанье бичей и весь гамъ—ложны: все это дѣлается линейцами для отвлеченія враговъ отъ настоящаго мѣста прогона скота, который, по указанію развѣдчика, гонится къ такой переправѣ, о которой горцы никогда и не думали...

Обманутые тщетнымъ ожиданіемъ стада, разъединивъ свои силы, чеченцы быстро несутся по протяженію берега вправо и влѣво и, если настигнуть нагруженныхъ добычею казаковъ, какъ тигры бросаются на нихъ. Линейцы въ одно мгновеніе облегчаютъ себя, а у которыхъ лошади послабѣе, тѣ совсѣмъ бросаютъ добычу,—и закипитъ бой, и пойдетъ рѣзня не на животъ, а на смерть!..

Десять, много пятнадцать минутъ,—и все затихнетъ! Горцы стараются забрать тѣла своихъ убитыхъ, или головы ихъ, для того чтобы отстранить себя, по принятому

обычаю, отъ отвѣтственности *), а казаки изъ-за христіанскаго обыкновенія — хоронить павшихъ въ бою съ добавляющей почестью.

По окончаніи боя, убитые и раненные везутся на тѣхъ же верховыхъ лошадяхъ; о носилкахъ до переправы на Терекъ — нѣтъ и помину! Каждая минута промедленія можетъ унести съ собою новыя жертвы и даже повредить всему набѣгу.

Другое дѣло по переправѣ, или даже во время ея, если она происходитъ въ виду какой-либо станицы или поста. Тогда удалцовъ встрѣчаютъ съ готовыми носилками и горячо принимаютъ участіе въ перенесеніи раненныхъ до покойнаго мѣста, или полковаго лазарета.

Но вотъ казаки, послѣ удачнаго набѣга, снова въ родной станицѣ. Тамъ около убитаго линейца собрался кружокъ. Какая непритворная горестъ выражается на лицахъ родныхъ павшаго храбреца! Какъ искренни слезы жены и вопли старухи-матери... А вотъ здѣсь въ другой кружокъ собралась семья на встрѣчу главы дома, и сколько неподдѣльнаго восторга на всѣхъ лицахъ, и съ какой благородной осанкой смотритъ на нихъ казакъ, стараясь сдержать и прикрыть собственную радость, а слеза готова пробѣжать по его смуглому отъ загара и пороха лицу.

*) Если товарищъ убитаго не привезетъ его тѣла, то по горскому обычаю, обязывается кормить его семейство.

Но казакъ не долженъ плакать. Его слезы были бы новостью для всей станицы. Надо пожить между линейцами, чтобы подмѣтить въ нихъ эту душевную борьбу,— это герои, какихъ мало!

IV.

Т р е в о г а.

Тамъ, гдѣ жаркій день одѣваетъ остроконечный Бештау бѣлыми ползучими облаками, гдѣ зараждаются черныя тучи и, густо заволакивая небо, обильно наполняютъ дождемъ зеленныя долины; гдѣ бѣлоглавый Эльбрусъ высится подобно снѣжному вѣчному облаку надъ племенемъ горъ и сплошныхъ холмовъ; гдѣ роется быстрый Подкумокъ въ длинномъ ущельѣ и орошаетъ плодосно-цвѣтушія равнины,—дружной семьею стоятъ воинственные аулы — гроза русской линіи, заклѣтые враги неустрашимыхъ казаковъ. Тамъ рѣка Малокъ моетъ высокіе, какъ горы, красивые берега; онъ то разбѣгается тысячами извилистыхъ ручьевъ по разноцвѣтному дну, то сливается въ бурный потокъ въ тѣсномъ глубокомъ ложѣ, то какъ серебряный поясъ горца стелется по широкой равнинѣ, опушенный зелеными рощами. Туда про-

тягиваетъ свои дремучія рощи лѣсистый Шатъ *). Оттуда показываются на холмахъ и равнинахъ рогатые олени...

Тамъ вьется русская дорога по роскошному Кавказу.

Въ пограничныхъ станицахъ звонкіе колокола то звучатъ весело, созывая набожныхъ казаковъ къ праздничной молитвѣ, то перекатываются уныло похоронными стопами по изрубленной казачкѣ, то учащенно гудятъ опасно-грозную тревогу... Туда, какъ шумные потоки, устремляются кабардинцы, то увлекаемые местию, то алчнымъ желаніемъ добычи...

Но чѣмъ взволнована станица, зачѣмъ она проводитъ ночи безъ сна?

Проглянулъ день, поднялись туманы заслонявшіе далекія горы съ задумчивыми лѣсами; уже солнце озолотило ихъ вершины; высокія нивы ждутъ рукъ жнецовъ; покрытые высокою травою сѣнокосные луга зовутъ косарей; цвѣтуція росистыя пастбища манятъ тучныя стада,—но колоколь гудитъ грозную опасность; коровы и волы ревуть по дворамъ.

Вотъ поднялась густая, широкая пыль, разстилаясь тонкою пеленою все выше и выше,—то мчатся съ степей ночевавшіе табуны коней, встревоженные страшною вѣстью. Все въ станицѣ въ движеніи, въ тревогѣ; дѣти и сокровища припрятаны въ подземельныхъ тайникахъ. А на бѣду храбрые линейцы въ походѣ,—и вотъ казачъ-

*) Большая гора.

ки, переодѣтыя въ черкески, подобравъ волнистыя косы подъ косматыя шапки, подпоясанныя кинжалами, съ наброшенными на плечи булатными шашками, съ блестящими ружьями, и старъ и младъ, — все въ готовѣ на валахъ встревоженной станицы. Постовые казаки въ объѣздахъ, часовые на вышкахъ ждутъ знака, чтобы поджечь обвитыя соломой осмоленные вѣхи.

Но вотъ издали съ горы смѣло несутся передовые всадники!.. Кто они? Хищные враги кабардинцы, или неустрашимые казаки? Въ станицѣ взведены курки ружей, наголо шашки, паръ клубами отъ кипящихъ котловъ вокругъ вала. Вотъ сверкнулъ огонь, клубомъ отпрянулъ дымъ, посыпались выстрѣлы и замелькали брошенные вверхъ черныя шапки... Вотъ всадникъ упалъ въ стременахъ и на всемъ скаку ловко поднялъ съ земли папахъ. О, радость—это передовые вѣстники, возвращающихся съ набѣга родныхъ казаковъ.

Сзади ихъ посыпались съ холма новыя сотни, и снова грянули выстрѣлы. На всѣхъ валахъ станицы отвѣтили имъ салютными, и толпы женъ окружили передовыхъ, передъ воротами станицы. Но вскорѣ и все прочее бросилось на встрѣчу нетерпѣливо несущимся всадникамъ.

Вотъ всю долину покрыли храбрые, удалые линейцы: кто на летучемъ скакунѣ мчится впередъ и, выстрѣливъ, круто поворачиваетъ назадъ; кто несется всторону, описывая широкіе круги на разгоряченномъ бѣгунѣ; кто на всемъ скаку подымаетъ мохнатую шапку съ зем-

ли, не жалѣя неутомимаго коня, перенесшаго трудности похода. Вдругъ въ стройной партіи раздалась заливная казачья пѣсня,—и какая пѣсня?! пѣсня сложенная подѣ невзгодами боевой жизни, подѣ стоны умирающихъ въ кровавыхъ схваткахъ, въ отчаянной сѣчѣ, подѣ рыданія тоскующей вдовы, подѣ неутѣшный плачъ матери, подѣ горькіе вопли сестры... Разливаясь то радостно, то заунывно, вотъ слилась пѣсня эта съ звонкими криками дѣтей, женъ, матерей и сестеръ, прерываемая объятіями нагибающихся съ коней, увѣшанныхъ блестящимъ оружіемъ казаковъ, берущихъ дѣтей своихъ къ себѣ на сѣдла...

И вотъ снова слышать неутомимые казаки о несущейся опасности изъ Кабарды, и снова они готовы или въ дальній набѣгъ, или на защиту родной станицы...

Такова была жизнь линейныхъ казаковъ.

V.

П л а с т у н ы.

На берегахъ Кубани, въ землѣ казаковъ Черноморскихъ, тамъ, гдѣ рѣка, разливаясь плавнями, впадаетъ небольшими лиманами въ море, привольно летаютъ и гнѣздятся стада разнородныхъ птицъ. Бѣлые и сѣрые лебеди, розовые пеликаны виднѣются на синѣющихъ лиманахъ, какъ пловучіе острова; золотистый фазанъ переливчатымъ цвѣтомъ своихъ перьевъ радуетъ взоры; шумятъ высокіе камыши, горятъ на солнцѣ баштаны и мѣстами вьется виноградъ, опутывая своими нѣжными лозами, какъ бы паутиною, бѣлыя стѣны казачьихъ мазанокъ и ихъ небольшіе хуторки... Богатая сторона—это Черноморье! Повсюду приволье, и многочисленные запасы плодовъ, овощей и вяленой рыбы, всякихъ сортовъ, удивляютъ своимъ изобиліемъ. Въ одномъ недостаткѣ,—нѣтъ лѣса, который замѣняется тамъ камышомъ

и дикимъ хрѣномъ (катраномъ). Камышомъ кроютъ крыши, изъ камыша выводятъ на глинѣ стѣны мазанокъ и имъ же топятъ печи. Хрѣномъ, достигающимъ иногда около трехъ вершковъ въ діаметрѣ, подпираютъ стѣны и, разумѣется, употребляютъ также какъ приправу въ пищу.

Берега самой Кубани, болотныя воды, плавни и лиманы покрыты также густымъ и высокимъ камышомъ, который въ былое время служилъ скрытными мѣстами, тайными засадами казаковъ-пластуновъ, для наблюденія извѣстныхъ пунктовъ отъ прорывовъ хищниковъ-горцевъ.

При словѣ казакъ, въ понятіи каждаго рисуется лихой наѣздникъ, съ длинною пикою, шашкой и нагайкою, но не таковъ пластунъ, этотъ особый видъ казаковъ черноморскихъ. По мѣстности обитаемой ими, слѣдовательно по самому роду жизни, пластуны, какъ земноводныя, всю жизнь свою проводятъ въ камышахъ, да болотахъ, то ползая, какъ увертливые змѣи, для нападенія на непріятеля, то скрываясь отъ него, при наблюденіи за врагомъ, стараясь всевозможными хитростями предупредить горцевъ въ ихъ губительныхъ и внезапныхъ набѣгахъ на родную землю. Пластунъ—всегда пѣшій; винтовка и длинный кинжалъ составляютъ его оружіе, съ которыми онъ пластунуетъ въ ночной тиши и во мракѣ.

Нерѣдко этимъ потомкамъ безстрашныхъ запорожцевъ приходилось по цѣлымъ ночамъ, закутавшись въ мохнатую бурку, пролежать до самой зари въ болотѣ или въ

прибрежномъ камышѣ, и явиться на разсвѣтѣ съ донесеніями начальнику постовъ, мокрыми какъ рыба. Но для пластуна пробыть ночь по горло въ водѣ — ни почему! Не смыкая глазъ, насторожа свой чуткій слухъ, пластунъ бьетъ изъ винтовки на шорохъ, отличая человѣка отъ звѣря и угадывая какой звѣрь: выстрѣлъ его не знаетъ промаха.

Чтобы не принять за врага своего же брата казака, тихо ползущаго въ непроглядную темень и осторожно раздвигающаго камышъ, у пластуновъ есть свои условные сигналы и знаки. До точности подражая и голосу птицъ, и плачу шакаловъ, и крику совы, пластуны при нуждѣ перекликаются другъ съ другомъ, и тѣмъ предупреждаютъ опасность всякаго рода. Взмахомъ своей папки высоко въ воздухъ, онъ обманываетъ врага, принявшаго этотъ шумъ въ тиши за полетъ ночной птицы; нѣсколькими искрами отъ удара кинжаломъ о камень, онъ даетъ о себѣ знать товарищу, — и горе тогда врагу, застигнутому въ распахъ или спящему.

Въ прошлую восточную войну, при оборонѣ Севастополя, пластуны пробирались незамѣтно въ самыя траншеи непріятелей и приносили еще спящихъ враговъ, закутанныхъ въ ихъ же одѣяла. Безстрашіе, хладнокровіе и какое-то особенное, прирожденное умѣнье накрыть внезапно непріятеля, хитрость и осторожность, вотъ главныя черты удалства пластуновъ, подвигамъ которыхъ удивляешься невольно. При развѣдкѣ непріятеля,

въ ночныхъ нападеніяхъ, въ авангардныхъ дѣлахъ, пластуны незамѣнимы, и ихъ отдѣльные батальоны приносятъ неоцѣнимую пользу во всѣхъ сраженіяхъ нашихъ регулярныхъ войскъ и въ настоящую войну съ турками.

Слѣдя за ходомъ событій на театрѣ военныхъ дѣйствій нынѣшней кровавой борьбы съ турками, мы видимъ, что казаки и съ береговъ Дона, и съ линій нашихъ на Кавказѣ, и самые эти пластуны, на всемъ пространствѣ военной бури поддерживали честь русскаго оружія. Въ Малой Азіи, въ отрядахъ генераловъ Лорисъ-Меликова и Тергукасова, въ Европейской Турціи при храбромъ переходѣ нашихъ за Дунай и, въ особенности, въ авангардномъ отрядѣ генерала Гурко, при занятіи переваловъ чрезъ Балканы, казаки своими геройскими подвигами стяжали новые лавры, которые, сплетаясь съ прежнею неувядаемою славою ихъ дѣдовъ и отцовъ, вполне завѣряютъ, что и въ будущемъ, при окончательныхъ сраженіяхъ и разгромѣ турецкихъ силъ, они своею блестящею храбростью заслужатъ высокое благоволеніе Государя Императора и вѣчную признательность всего народа русскаго.

Heur

2073.

21-16.